

д.ю.н. Голик В. Юрий
*Елецкий Государственный университет
им. И.А.Бунина, академик Академии педагогических
и социальных наук член-корреспондент Академии
российской словесности*

ОРИГИНАЛНИ НАУЧНИ РАД
Рад је примљен 28.04.2014.
Рад је одобрен 10.06.2014.

ИСТИНА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Абстракт

„Правда у каждого своя, а истина одна на всех“, народная руская мудрость.

Зачем нам погружаться в философскую материю и изучать истину? Ответ достаточно прост. Во-первых, это позволит максимально приблизить закон к той общественно – политической реальности, которая нас окружает. Меняется реальность – должен меняться и закон. Во-вторых, это позволит конструировать сам закон как некий образец, как «целое». Значит, скажется на уровне кодифицирования уголовного закона. В-третьих, хороший закон – большое подспорье для практики. Отсюда и практика должна в большей степени начать соответствовать тем реалиям, которые нас окружают. В определённой степени она должна отвечать и тем социальным ожиданиям, которые существуют в обществе. В-четвёртых, всё это вместе должно сказаться на повышении качества борьбы с преступностью. Если мы не можем искоренить преступность, то это не означает, что мы не можем помочь сами себе и не снизить уровень преступности до безболезного (для общества) порога.

В работе нет определения истины. Я сделал это специально. Дав общие основополагающие установки по пониманию истины, я предоставил каждому возможность ответить на извечный вопрос - Что есть истина? Истина – это процесс. Процесс, который имеет начало для человека, но являющийся бесконечным для человечества. А дорогу осилит идущий.

Ключевые слова: Истина, Уголовно право.

ЈЕЛ Класификација: K1, K14

ИСТИНА У КРИВИЧНОМ ПРАВУ

Апстракт

„Правда је у свакога своја, а истина је једна за све“, народна руска мудрост.

Зашто да зарањамо у философску материју и изучавамо истину? Питање је једноставно просто. Прво, то ће нам омогућити да максимално приближимо закон према тој општој – политичкој реалности, која нас окружује. Мења се реалност – потребно је да се мења и закон. Друго, то омогућава да конструишемо сам закон као образац, као „целост“, и то све на нивоу кодификације кривичног законодавства. Треће, квалитетан закон – јача основа за судску праксу. Одавде и судска пракса мора у већем степену да одговара тој реалности, која нас окру-

жује. У великом степену судска пракса треба да одговара и тим социјалним потребностима, које постоје у друштву. Четврто, све ово заједно треба да утиче на побољшање квалитета борбе са криминалом. Уколико не можемо у потпуности ликвидирати криминал, то не значи што ми не можемо помоћи сами себи и не смањити степен криминала до безболног (за друштво) прага.

У раду није дефинисана истина. И, то сам намерно учинио. Давајући опште основе установљења појма истине, дозволио сам свакоме могућност да одговори на вечито питање – Шта је то истина? Истина – то је процес. Процес, који има почетак за човека, али који је бесконачан за човечанство. А пут ће ојачати онај ко иде тим путем.

Кључне речи: Истина, Кривично право.

TRUTH IN CRIMINAL LAW

Abstract

“Everyone has their own truth, and the truth is one at all,” Russia folk wisdom.

Why do we have to dive into a philosophical matter and learn the truth? The answer is quite simple. First, it allows to approximate the law to the socio - political reality that surrounds us. Changing reality - and the law should be changed. Secondly, it will construct the law itself as a specimen as “whole”. Hence affect the level of codification of the criminal law. Third, a good law - a great help for practice. Hence the practice should increasingly start to fit the realities that surround us. To a certain degree, and it must respond to the expectations of those social, which exist in the community. Fourth, all of this together should affect on improving the fight against crime. If we can not eradicate crime, it does not mean that we can not help themselves and do not reduce crime to silent (for society) threshold.

The paper does not define truth. I did it on purpose. Dove shared basic installation understand the truth, I gave everyone the opportunity to answer the eternal question - What is truth? Truth - is a process. A process that has a beginning for humans, but is infinite to humanity. A road by walking.

Key Words: Truth, Criminal Law.

Истина в уголовном праве

Предисловие

Истина как философская категория всегда привлекала к себе внимание мыслителей разных эпох и разных народов. При этом очень быстро стало ясно, что проявление истины в различных сферах человеческой практики бывает разным. Уголовное право не является в этом случае исключением. Зачем мы этим занимаемся? „Учёный, стремящийся к социальной истине, не может ограничиться только описанием и объяснением того, что есть, а тем самым оправданием существующего положения вещей: исходя из идеала и ценностей соответствующей идеологии, он прокладывает мост из мира сущего в мир должного“¹.

¹ Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания. – М.: Политиздат,

Общее понимание истины как проблемы

Русский язык один из немногих языков, где различаются по своему смысловому содержанию слова «истина» и «правда». Возможно, это будет ясно после ознакомления с этой работой. Истина всегда конкретна и привязана ко времени и пространству. В древности часто изображали истину в виде прекрасной девушки, которую тащит куда-то мерзкий старик – Время.

В общем-то, мы знаем это с детства, но как-то не акцентируем на этом обстоятельстве своего внимания. Вспомните „Сказку о мёртвой царевне и семи богатырях“ А.С. Пушкина. Как говорила, красуясь перед зеркальцем, злая царица:

„Свет мой, зеркальце! Скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее.“

И зеркальце всегда отвечало утвердительно. До определённого момента. Но пришло время, и оно сказало: „Но...“. И началась новая эпоха. Изменилась система координат.

Чтобы определить какое-то явление как истинное надо, прежде всего, зафиксировать его, предмет (не бесконечный объект, а всего лишь объект нашего внимания) в определённой системе координат. При этом надо всегда помнить, что „... для решения разных задач исследователь может занять разные позиции и потому в одном и том же объекте увидеть разные предметы“².

Второй абзац важен для уяснения цели использования «истины» и её конкретно – темпоральный характер. То есть, нет и не может быть истин на все времена и на все случаи жизни. В середине 50-х – начале 60-х годов прошлого века юристы, „ужаснувшиеся последствиям сталинских репрессий, часто облечённых в форму уголовно-процессуальной деятельности, попросили философов дать им концепцию познания обстоятельств совершенного преступления, пусть даже идеалистическую, но весьма надёжную в нравственном плане для предотвращения той горькой практики, что страна пережила в 30-40-е гг. XX столетия“³. А есть ли такая концепция? Была ли она когда-нибудь? Возможно ли её вообще создать?

Понятие истины как категория философии

Есть категории, к которым в той или иной форме обращались, наверное, все когда-либо существовавшие мыслители. Человек, именно как Homo sapiens, как человек разумный, всегда стремится к познанию чего-то нового, неизвестного ему. В этой связи он достаточно быстро в процессе познания столкнётся с проблемой истинности полученных им знаний. Поэтому вопрос истины и вопрос о том, что есть истина – это естественное состояние каждого мыслящего человека. В 60-х годах

1988. – С. 94.

² Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – С.141.

³ Козьявин А.А. Критерий истины, познаваемой в уголовном процессе, в свете возможности её нормативной формализации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. - №4. – С. 113.

под истиной, очень часто подчёркивалось, что речь следует вести об объективной истине - понималось такое знание, которое не зависит ни от конкретного человека, ни от всего человечества. Иногда в подтверждение этого тезиса приводились совершенно наивные с точки зрения дня сегодняшнего доказательства: „Например, наше утверждение, что в Советском Союзе полностью и окончательно победил социализм, является объективной истиной, ибо содержанием этого утверждения является то, что объективно существует, независимо от того, желательно это кому-то или нет“⁴. Давно уже нет ни Советского Союза, ни полностью и окончательно победившего социализма. Остались только слова, которые, как набор слов, и выступают ныне в виде объективной истины, ибо были сказаны давно и для того, чтобы их изменить, необходимо вернуться в прошлое, а это пока никому не дано. Произошедшие эпикальные события привели к перекосу в сознании некоторых наших сограждан. Они спешно переориентировались и поспешили объявить уже капитализм „светлым будущим всего человечества“⁵. Для кого-то это стало новой истиной. Но вот уже сами капиталисты: Дж. Сорос – финансовый магнат или Дж. Е. Стиглиц – нобелевский лауреат по экономике (2001) развенчивают эти заблуждения наших либералов⁵. Но особенно сильно прошёлся по капитализму и по Соединённым Штатам Америки Збигнев Бжезинский. Это само по себе удивительно, но это факт⁶. Можно упомянуть работы де Сото, статьи Ф. Кастро, выступления Уго Чавеса (они, разумеется, не капиталисты) и многое другое. Значит, и здесь нет истины. Где же она?

Вернёмся, однако, к проблемам философии. Через двадцать лет философы стали более осторожными и писать уже стали чуть-чуть по-другому. Истину стали определять как „адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания“⁷. Однако, в этой дефиниции ничего не говорится о качествах воспринимающего субъекта (обычный человек и дальтоник воспринимают цветное окружение совершенно по-разному). Как понимать воспроизведение? – Если перед десятью художниками посадить красивую девушку и попросить их написать её портрет, то все портреты окажутся разными. Какой из них следует считать истинным? Ведь ещё болгарский философ – академик Тодор Павлов определял истину как высшую форму субъективного отражения объективной действительности⁸. Однако мы должны помнить и предостережение Гегеля: истина отсутствует, «если всё рассматривается только с субъективной точки зрения»⁹. В этом тезисе следует обратить особое внимание на слово „только“. Субъективная точка зрения не отрицается, но она должна чем-то дополняться. Об этом же писал и Г.В. Плеханов: „Истина относится не только к субъекту, а также к объекту“¹⁰.

⁴ Основы марксистской философии. – М.: Госполитиздат, 1962. – С. 258.

⁵ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. – М.: ИНФРА – М, 1999; Доклад Стиглица О реформе международной валютно-финансовой системы. Уроки глобального кризиса. – М.: Международные отношения, 2010.

⁶ Бжезинский Зб. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. – М.: Астрель, 2012.

⁷ Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 226.

⁸ Павлов Т. Избран. философ. произведения. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. – Т. 3. – С. 437.

⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 413.

¹⁰ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах. – Т. III. – М.: Изд-во

Прошло ещё несколько десятилетий. Философы стали ещё более осторожными. Истина – категория философии и культуры, обозначающая идеал знания и способ его достижения (обоснования).¹¹ Настолько абстрактно, что сюда подпадает всё. И всё можно отвергнуть. В этом смысле обращает на себя внимание последнее слово – обоснование. Избрал «верный» способ обоснования – получил истинное знание, неправильный, и истина растворилась, исчезла.

Приведу ещё одно словарно-энциклопедическое откровение: „Истина – понятие, подвергающееся своего рода деонтологизации в неклассической философии.”¹² Вряд ли можно понять этот тезис без специальных дополнительных пояснений. В переводе же на понятный русский язык это означает приблизительно следующее: истины нет, её и не может быть; есть только различные интерпретации факта, события, явления. К чему это может привести (и постепенно уже приводит) в праве покажу чуть позже. Это типичная позиция постмодернизма, который приходит (по сути дела уже пришёл) на смену идеологии либерализма. Для постмодернизма истины не существует как таковой. Всё, что говорит и делает человек – истина. Миллионы людей – миллионы истин. Человек в этой каше так же исчезает. Он превращается в никому ненужный и никому не интересный винтик. Очень часто винтик со сбитой резьбой, но это исключительно его – винтика - проблемы. Философия постмодернизма загоняет проблему изучения истины (как, впрочем, и многие другие проблемы) в тупик: истины нет, познать её невозможно. Тогда зачем вообще что-то изучать и стремиться к познанию? И зачем тогда вообще человеку жить? Отсюда и фрустрация, и суицид, и массовая паранойя, и многие другие прелести свободного общества. Вот к чему приводит безобидное, казалось бы, занятие поиска истины. Конечно, причинные связи не такие линейные, но они есть, и они зримо просматриваются.

Ещё одно общее замечание. Большинство определяющих истину подчёркивают её адекватное отражение объективной реальности. Вроде, всё верно. Но вот уже несколько десятилетий, как мы имеем дело, в том числе и с виртуальной реальностью. Это тоже реальность, но совсем другая. Как быть с ней. Возможно ли её адекватно отразить в нашем сознании и получить некое новое знание? Будет ли это знание истинным?

А как было раньше с ответом на вопрос: что есть истина? Как я уже отмечал, философы всегда обращались к проблеме истины и истинного. С древнейших времён до наших дней. Например, Секст Эмпирик – выдающийся античный философ конца II – начала III веков, последний представитель античного скептицизма много внимания уделял этой проблеме и даже составил весьма подробный обзор взглядов своих предшественников на неё (Ксенофан, Ксениад, Анахарсис, Протагор, Горгий и др.)¹³. При этом он подчёркивал, что „никого из философов нельзя называть критерием истины”¹⁴. Он утверждал, что „истина есть тело, истинное же существует в качестве бестелесного”¹⁵. Позже он уточнит, „что истина – тело,

социально – экономической литературы, 1957. – С. 501.

¹¹ Новая философская энциклопедия. – Т. 2. – М.: Мысль, 2010. – С. 169.

¹² Всемирная энциклопедия: Философия XX век. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – С. 328.

¹³ Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 67 – 114.

¹⁴ Там же. – С. 124.

¹⁵ Там же. – С. 67.

ибо она знание, выясняющее всё истинное¹⁶. Причём, истинное – нечто простое, а истина „состоит из знания многих истинных вещей“¹⁷. Многие философы подчёркивали, что истина имеет строго выраженный темпоральный характер. Истина – дитя времени¹⁸. Тот же Секст Эмпирик утверждал, что „истина существует не в смысле совершенной непонятности, но что она понятна в меру достижимости для человеческого разума“¹⁹. Но разум человека развивается, и то, что ему было недостижимо вчера, становится обыденным чуть позже. Разуму доступно всё. Или почти всё. Раз истина тесно увязана со временем, значит, нет истины на все времена. А раз так, то „достаточный и в то же время всеобщий признак истины не может быть дан“²⁰. Истина – отражение реальности. Но реальность изменчива, значит, с изменением реальности меняется и истина. Эти изменения происходят с течением времени. Поэтому истина и есть дитя времени. Время и истина тесно увязаны друг с другом. Истина не существует вне времени. В то же время „истина терпима, так как она уверена в самой себе, так как она знает, что собственно говоря, ничто не может быть против неё, ибо и в другом, и в заблуждении она познает самое себя, так как она, кроме того убеждена, что жизнь может представлять бесконечное единство сущности, только как бесконечное многообразие и разнообразие ... в истине нет страха“²¹. И далее: „Свобода – единственная печать истины“²². Выходит, у истины всё же есть некий всеобщий признак: это её свобода. Но он очень труден для понимания и усвоения. Истина, как таковая, по мнению Гегеля, „заключается по существу своему в процессе познания“²³. Таким образом, истина – это всегда процесс. Невозможно познать истину стоя на месте и тупо созерцая нечто, что окружает тебя. Особенно, если это нечто не меняется. Но если мобильность окружающего мира высокая, то это волей неволей заставляет человека каким-то образом оценивать происходящие изменения и стараться получить ответ на самый простой вопрос: „Что происходит?“.

Каков путь познания истины? Можно раскрывать истину путём построения системы доказательств, используя мнения авторитетов, прибегая к сравнениям, примерам, ссылкам и т.д. И стремиться охватить максимальное количество фактов, максимально расширить пространство поиска. Можно избрать и другой путь: стремиться низвергнуть любое, пусть самое маленькое сомнение, двигаться вперёд маленькими шапками, решая вопрос за вопросом, количество которых

¹⁶ Там же. – Т. 2. – С. 276.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ф. Бэкон значительно позже писал: «... правильно называют истину дочерью времени, а не авторитета» (Бэкон. Ф. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1972. – Т.2 – С. 48). Обращает внимание его фактическое отрицание авторитета в отыскании и формулировании истины. Позже он подчеркнёт: «... когда истина обнаружена, она налагает ограничения на мысли людей» (Там же. – С. 352). То есть истина приобретает определённый объективный вид и начинает формировать мышление людей, включая и мышление исследователей. Истина влияет на авторитеты, а не наоборот. А если это ложная истина?

¹⁹ Там же. – Т. 1. – С. 85.

²⁰ Кант И. Критика чистого разума. – Мн.: Литература, 1998. – С. 167.

²¹ Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трёх томах. – М.: Мысль, 1974. – Т. 3. – С. 193.

²² Там же. – С. 232.

²³ Гегель Г. В.Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1999. – С. 859.

по мере продвижения вперёд будет нарастать и нарастать. Таким образом можно будет тщательно изучить и всесторонне осветить маленький кусочек проблемы, а всё остальное останется в темноте. И чем ярче будет освещаться познанный и изученный кусочек, тем темнее будет всё непознанное. Ф. Бэкон по этому поводу восклицал: „Разве не разумнее было бы в большом зале зажечь одну большую свечу или люстру со множеством различных светильников, чтобы осветить сразу всё пространство, вместо того чтобы обходить каждый уголок с маленькой лампадой в руке?“²⁴. Так ещё можно было рассуждать в XVI веке, но сегодня, когда знания прирастают буквально посекундно, так рассуждать уже нельзя. Важны оба пути. Любое большое знание выводится и выстраивается из маленьких кирпичиков. Хотя, конечно, возможны прорывы и озарения. Однако, как правило, не в гуманитарных сферах. Кроме того мы должны помнить, что истина всегда представляет собой некое законченное знание или суждение (пусть и ограниченного объёма). Истина как беременность: она либо есть, либо её нет. Э. Кассирер, опираясь на мнение Гегеля, писал: „Истина есть «целое», однако это целое не дано нам сразу, но должно постепенно развёртываться в движении самой мысли и согласно её собственному ритму“²⁵. (Истина, по Гегелю, это процесс!). Для уголовного права это имеет особое значение. Нельзя квалифицировать деяние наполовину. Квалификация должна быть полная и исчерпывающая. Определения и постановления вышестоящих судов полны примеров, когда они исправляют ошибки, допущенные нижестоящими судами при квалификации тех или иных преступлений. И ошибки эти заключались как раз в том, что нижестоящий суд обратил внимание на одну группу фактов, но совершенно проигнорировал другую.

В отыскании истины большую помощь может оказать *Герменевтика*. Как правило, герменевтика работает с текстами. Следует заметить, что последнее время герменевтика всё больше и больше привлекает внимание учёных, занимающихся проблемами уголовного права²⁶. Однако в поле зрения коллег попадают, как правило, только хорошо известные работы по герменевтике (Х.-Г. Гадамер, П. Рикер, Ф. Шлейермахер и др.). А есть ещё очень полезные в этом отношении работы философа Г.Г. Шпета, писателя В.В. Розанова или малоизвестного у нас немецкого философа – неокантианца Э. Кассирера и многие другие. Даже известное произведение Олжаса Сулейменова может пригодиться²⁷. Кроме текстов есть ещё симво-

²⁴ Бэкон Ф. Соч. – Т. 1. – С. 113.

²⁵ Кассирер Э. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. – М., СПб.: Университетская книга, 2002. – С. 8. Гегель писал: «Истинное есть целое. Но целое есть только сущность, завершающаяся через своё развитие» (Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000. – С. 16). Опять подчёркивается процесс постижения истины. И чуть дальше он опять подчёркивает, что «истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде (*gegeben werden*) и в таком же виде спрятана в карман» (Там же. – С. 25). Русский философ Вл. Соловьёв так же считал, что «истина не есть многое, а есть *единое*» (Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 692). Здесь оттеняется несколько иной смысл, который тоже является очень значимым.

²⁶ Пычева О.В. Герменевтика уголовного закона. – Ульяновск: УлГУ, 2005.

²⁷ Кассирер Э. Философия символических форм В 3-х тт. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002; Розанов В.В. О понимании. – СПб.: Наука, 1994; Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. – М.: Грифон М, 2005; Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2005.

лы. И их тоже надо знать²⁸. В криминальной среде в ряде случаев символика может иметь превалирующее значение²⁹. Причём такая ситуация складывалась многие и многие десятилетия. И она постоянно развивается и меняется.

Истина в праве

Проблема истины, как это ни странно, никогда не привлекала особого внимания юристов. За исключением, пожалуй, процессуалистов. В теории уголовного процесса периодически возникали дискуссии на эту тему. Последняя по времени достаточно представительная дискуссия была проведена журналом „Библиотека криминалиста“ в конце 2012 года³⁰. Дискуссия была спровоцирована предложением Председателя Следственного комитета РФ Александра Ивановича Бастрыкина о возвращении в Уголовно-процессуальный кодекс института установления истины по уголовному делу. На мой взгляд, предложение очень своевременное и очень нужное нашей процессуальной практике. Речь должна идти только о конкретных формулировках. Это – детали законодательной техники. Напрасно на эту идею накинулись те, кто мнит себя либералами и уж совсем не след приводить нам в пример „Каролину“ и другие акты средневековья. Бояться нормативного закрепления требования установления истины – значит бояться её установления. Так ведут себя недобросовестные правоприменители – как со стороны следствия и обвинения, так и со стороны защиты и суда. Судя по публикациям, большая часть противников такого изменения закона принадлежит к адвокатскому сообществу. Что касается других отраслей права и общей теории права, то здесь особого интереса к теме не проявлялось. Исключением является обстоятельная монография В.М. Баранова „Истинность норм советского права“, вышедшая в перестроечные времена, но не утратившая своей значимости и до сих пор³¹. Правда, монография посвящена не исследованию проблем истины, а исследованию проблем истинности. Истина – категория, факт объективного (внешнего) мира. Истинность – характеристика истины. И она может быть истинной или ложной, в зависимости от того, кто эту характеристику даёт. Истинность, как правило, субъективна. Конечно, в идеале истинность должна быть адекватным отражением реальности. Адекватным имеющимся у субъекта знаниям об объекте отражения. Но именно это и заставляет истинность всегда быть субъективной. Дело в том, что объём знания у разных субъектов всегда разный, объём восприятия так же разный и, уж, совсем разным является степень толкования, интерпретации полученного отображения. Один видит преступление, другой – геройский поступок. Ситуация не столь уж частая при квалификации действий при необходимой обороне.

²⁸ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.

²⁹ Яковлев Н.А. Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации её негативного влияния: Дисс. ... канд. юр. наук. – Елец, 2006. В отдельном томе диссертации собран большой объём материалов по этому вопросу. См. так же: Ефимова Е.С. Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. – М.: ОГИ, 2004 и др.

³⁰ Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. - № 4(5). Две трети номера (с. 5 – 287) отведены под дискуссию о проблемах истины в уголовном процессе.

³¹ Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989.

Ещё раз повторяю: такое отношение к истине в праве мне представляется странным. Всё право, вся система права нацелены по сути своей на отыскание истины и на защиту истины. При этом речь не идёт только о спорных вопросах и спорах как таковых. Речь идёт и о позитивном закреплении существующих общественных отношений, об их защите, об их возможной трансформации в нечто новое и т.д.. В общем-то, это понятно и очевидно. Многие наши предшественники шли именно этим путём. Достаточно вспомнить Монтескье с его „Духом законов“. Правда, он почти не использует терминов «истина» и «истинность», но всё его сочинение пронизано „духом отыскания истины“. Уже в первых строках он пишет: „Немало истин окажутся здесь очевидными лишь после того, как обнаружится цепь, связующая их с другими истинами“.³²

Достижима ли истина в праве? Как ни странно, любой ответ на этот вопрос будет правильным. И неправильным одновременно. „Истина не есть нечто застывшее, раз и навсегда установленное для всех времён и типов знания“.³³ Истина мобильна и подвижна. Она может проходить путь (иногда достаточно быстро) от истинного до ложного. Что касается гуманитарной сферы, то «понятие истины в общественных науках только тогда может быть конструктивным и действенным, когда оно отражает диалектику социально-исторического бытия, охватывает в идеальной форме единство настоящего и будущего, возможности и действительности»³⁴. Достижимо ли это? Ф. Ницше очень жестко писал: „Ничто из того, что когда-то сходило за истину, не есть истина. Всё, что некогда презирали как нечто нечестивое, запретное, презренное, пагубное – все эти цветы растут теперь на прелестных тропинках истины.“³⁵ Но и это тоже не навсегда. Придёт время и эти „цветы“ засохнут, а сами тропинки заметёт песок времени. „Утверждение, что *истина достигнута* и что с незнанием и заблуждением покончено – это одно из величайших заблуждений, какие только могут быть“.³⁶ По свидетельству В.М. Баранова, многие западные исследователи считают, что „нормы права не имеют и никогда не смогут приобрести статус истины, ибо они порождение и отражение идеологии“³⁷. Проф. В.В. Лунеев категорически заявлял, что „идеологию на пушечный выстрел нельзя допускать в уголовное право“³⁸. Попробуйте, найдите хотя бы одну правовую норму у нас или где-то в другой стране, которая была бы свободна от влияния той или иной идеологии. Это невозможно, ибо само право есть отражение идеологии. И не только право, но и правоприменение. Известная

³² Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – С. 7. Краткий обзор воззрений других авторов на дух закона см.: Караханов А.Н. К вопросу о духе уголовного закона // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. – М.: РАП, 2011. – С. 35 – 42.

³³ Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания. – М.: Политиздат, 1988. – С. 96.

³⁴ Коршунов А.М., Мантатов В.В. Указ. раб. – С. 96.

³⁵ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884 – 1888). – М.: Транспорт, 1995. – С. 185.

³⁶ Там же. – С. 182. Б.Э. Быховский, анализируя творчество Беркли, приводит его слова: «Вопрос: что становится с Вечными Истинами? Ответ: они исчезают» (Быховский Б.Э. Джордж Беркли. – М.: Мысль, 1970.- С. 12).

³⁷ Баранов В.М. Указ. раб. – С. 42.

³⁸ Российский криминологический взгляд. – 2007. - №3. – С. 9.

„формула Радбруха“ и его „законное неправо и надзаконное право“³⁹ ярчайшее тому подтверждение. Нет ни одной правовой системы, которая могла бы обойтись без идеологии. В конце концов, идеология это компас. Если почитать «Библию», то уже там всё это прописано очень хорошо.

А вот как это понималось в 1918 году, когда создавался проект советского Уголовного уложения. Редактор кодификационного отдела Наркомюста А. Шрейдер в объяснительной записке к проекту советского Уголовного уложения (1918 г.) писал: „Из всех областей права – уголовное право больше всего, всегда и везде, изменялось в зависимости от политических перетурбаций (*так в тексте – Ю.Г.*). Революция, неся с собой новые знамёна, новые ценности, новое понимание жизни и жизненных отношений, вносит коренную ломку в понимание того, что можно и чего нельзя, изменяется подчас до неузнаваемости понятие преступного и достойного, дозволенного и воспрещённого. То, что было до революции преступно и дозволено – становится подчас ... остоном революционного действия“⁴⁰. Ф. Бэкон писал: „... люди обычно склонны вообще отвергать истину из-за споров, которые ведутся вокруг неё, и считают, что все те, кто никогда не может договориться друг с другом, просто заблуждаются“⁴¹. Истина, даже относительная, не может быть предметом договорённостей. Она объективна и не зависит от мнения людей. Или субъективна и как раз зависит от мнения людей, но тогда невозможно представить, что все люди договорились по всем вопросам и между ними нет никаких разногласий.

А что такое правовые категории и понятия? Например, преступление. - Это всегда предмет договорённостей. В природе преступлений и преступности нет. Они есть только в человеческом обществе. Вот люди и договорились называть определённые действия, совершённые при определённых условиях и в определённое время преступлениями. Обратимся к уголовному праву. Вот уже несколько тысячелетий уголовное право работает с двумя основными для себя категориями: преступление и наказание. Казалось бы, за эти годы можно было бы всё в них разобрать до мельчайших нюансов, довести до совершенства и выдать на-гора самую что ни на есть блестящую истину. Так ли это?

Истина и преступление

Что такое преступление? Как ни странно, но рано или поздно этот вопрос встаёт перед каждым исследователем. И каждый исследователь отвечает на него по-разному. Это позволило известному норвежскому учёному Нильсу Кристи сделать простой вывод: „Слово «преступление» может обладать множеством значений, и в то же время не означать ничего. Каждый может толковать это понятие, как хочет“⁴². В уголовном праве, если отбросить все частности, существует два простых подхода к определению понятия преступления: формально – догматический, или нормативистский, когда под преступлением понимается всё, что предусмотрено в качестве такового законом, и материальный. Последний присущ нашему

³⁹ См.: Радбрух Г. Философия права. – М.: Международные отношения, 2004.

⁴⁰ Цит. по: Чучаев А.И. Уголовное уложение Советской России (концептуальные основы и общая характеристика) // Взаимосвязь уголовного материального и процессуального права: исторический и сравнительно-правовой аспекты. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – С. 13.

⁴¹ Бэкон Ф. Соч. – Т. 1. – С. 114.

⁴² Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. – СПб.: Алетей, 2011. – С. 14.

уголовному праву, его так же придерживается и ряд других национальных законодателей. Согласно этому подходу преступление прежде всего обладает признаком общественной опасности. Очевидно, что ни тот, ни другой подход несовершенны, но они оба работают в своих правовых системах. Или не работают.

5 февраля 1878 года на приём к петербургскому градоначальнику Ф.Ф. Трепову пришла Вера Засулич и стреляла в градоначальника, тяжело его ранив. Видимо, этот Трепов был настолько ненавистен своим согражданам, что судом присяжных она была оправдана. На такую позицию присяжных, как отмечали современники, повлияла и позиция председателя суда А.Ф. Кони – позже ставшим известным адвокатом. Из суда его по сути дела выдавили за такое решение присяжных. Улица встретила оправдательный приговор восторженно, криками «Ура!» и митингами. Сигнал обществу был послан, и он был принят. В последующие годы было убито уже 16 градоначальников, 33 губернатора и вице-губернатора, 2 министра внутренних дел, 1 великий князь и пр., пр., пр.⁴³ И это несмотря на то, что сразу после дела Веры Засулич был резко изменён закон, он стал предусматривать смертную казнь. Джин был выпущен из бутылки. Так было преступление, или его не было? Согласно описанию фабулы дела, показаниям свидетелей и признанию самой преступницы – преступление было. А суд присяжных решил, что не было. А решение суда должно приниматься за истину, как гласит известная древнеримская максима. Такое пренебрежение законом и здравым смыслом в теории получило название нуллификации (от латинского nullification – пренебрежение). Известно это явление достаточно давно и достаточно давно изучалось западными теоретиками права. У нас этого явления «не было», и оно не изучалось. Но теперь появилось. Это хорошо показал Г. Есаков⁴⁴. Причём оно интенсивно развивается. И не только в суде присяжных. Любой практикующий адвокат может привести массу живых примеров пренебрежения законом (прямыми указаниями закона) судом. Верховный Суд на это реагирует либо вяло, либо вообще не реагирует.

Давайте посмотрим на закон. 20 июля 1934 г. Постановлением ЦИК СССР УК РСФСР был дополнен целым „букетом“ статей, расширяющих ст. 58 УК „Контрреволюционные преступления“. Среди них была и ст. 58^{1Б} (простой нумерации уже не хватало). А в ней была часть вторая: „...совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, - подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдалённые районы Сибири на пять лет.“ Как видим, единственное преступление, которое совершили эти люди – родственные отношения с виновным, дополненные совместным с ним проживанием или нахождением на его иждивении. Сам преступник – военный служащий, сбежавший за границу. Чуть позже был принят целый Закон СССР „О членах семьи изменников Родины“, а так же значительное количество секретных документов в виде Постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), Приказов НКГБ СССР, НКВД СССР, Прокуратуры СССР. В годы войны добавились Постановления Государственного Комитета Обороны. По сути дела по этим документам и проводился процесс привлечения к уголовной ответственности и наказания. По подзаконным документам, отодвинувшим сам закон куда-то на обочину «исторического процесса». Где же здесь истина? Эти и им подобные репрессии привели к тому, что, как я уже отмечал, после смерти Сталина была предпринята попытка выработки концепции истины, пригодной для использования в уголовном процессе.

⁴³ Там же. – С. 13.

⁴⁴ Есаков Г. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. – 2013. - №2. – С. 121 – 129.

Давайте откроем ныне действующий Уголовный кодекс. 3 ноября 2009 года в Уголовном кодексе появилась новая редакция статьи 210 „Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)“⁴. Не будем трогать всех изменений, появившихся в статье, остановимся лишь на одном. Часть 4 этой статьи сурово карает – лишением свободы от 15 до 20 лет или пожизненным лишением свободы – лиц, занимающих „высшее положение в преступной иерархии“⁴. Это совершенно новое понятие для нашего уголовного закона, поэтому рассмотрим его более подробно. Уголовный кодекс – это закон. И как всякий закон, он должен опираться на Конституцию и на всю систему законодательства страны, а также на международные нормативно-правовые документы. В этой связи естественно возникает вопрос: „Каким документом регламентируется положение в преступной иерархии?“⁴ Может, Государственная Дума втихую приняла такой документ? Или правительство издало? На худой конец, может, Конституционный суд его породил? Такого документа нет и быть не может. Не дело государства устанавливать служебную лестницу в преступной иерархии! (Вор в законе именем Российской Федерации!). Что же, мы этот документ с воровских сходов потребуем, что ли? Тогда уж точно, на понятия переходить надо, а генерального прокурора делать главным по понятиям. Какими критериями должен руководствоваться суд при отнесении того или иного субъекта к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии? Разработанными самими преступниками? Других же нет. Мне могут возразить, что в делах оперативного учета есть указание на то, что данный субъект действительно „в законе“⁴. Но эти данные тоже получены от „преступного элемента“⁴! Да и оперативный учет ведется для оперативных нужд, то есть для облегчения поиска и поимки преступника. С другой стороны, возможны и определенные перегибы, какие неоднократно встречались в нашей истории. Например, руководитель какой-нибудь группы скинхедов вполне может быть признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Формальная логика будет соблюдена: скинхеды – преступники, следовательно, их руководитель – самый главный среди них преступник, высший в иерархии.

В 1969 году в УК тогда еще РСФСР появилась статья 24¹ „Особо опасный рецидивист“⁴. Она рождалась в муках, но все же появилась. До предела формализованная статья, состоявшая сплошь из перечня статей и норм УК, которые в определенной законом (!) совокупности давали суду возможность присвоить преступнику далеко не почетное звание особо опасного рецидивиста. Причем суд мог этого и не делать даже при наличии формальных оснований, если считал это в данный момент излишним. Это „звание“ присваивалось судом, суд же мог этого звания и лишить. Суд от имени государства называл человека особо опасным преступником. И это было правильно. Здравствующий и поныне профессор Михаил Петрович Журавлев, принимавший непосредственное участие в разработке названной статьи, написал с десяток книг и брошюр на эту тему, в которых очень хорошо продемонстрировал: за что человек получал это клеймо, как это влияло на назначенное ему наказание и как это влияло на его преступное и не преступное окружение. Всюду были плюсы. В начале 90-х годов некоторые мои коллеги неожиданно выдвинули лозунг, что-де особо опасный рецидивист – это плохо, а вот особо опасный рецидив – это хорошо. Те, кто называл себя в тот период „демократами“, этот лозунг подхватили и исключили из проекта Уголовного кодекса статью об особо опасном рецидивисте. Поразительно, но все враз „забыли“⁴, что рецидив – это то, что сделано, а рецидивист – это тот, кто сделал. Иными словами, это совершенно разные вещи, которые не мешают, а дополняют друг друга. И существовать в Уголовном кодексе они должны вместе. Наверное, сегодня не след возвращаться к старому и реанимировать отслужившее свое понятие. Можно просто назвать особо опасным преступником и закрепить в законе закрытый перечень условий, при которых

суд может признать преступника особо опасным. И уже этот термин использовать в статье 210 и в двух десятках других статей. Это будет понятно, законно, правильно.

Что касается материального наполнения понятия преступления, то это выражается в том, что, согласно российской доктрине уголовного права, преступление есть общественно опасное деяние, что и закреплено в законе (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Является ли этот подход истинным? – Мы не знаем и не можем утверждать этого наверняка. Одно время господствовал тезис, что практика – критерий истины. Затем его признали ошибочным. Оказалось, что практик много и они все разные. Какую же брать за эталон и по ней сверять все остальные? – Этого не знает никто. Только время постепенно всё расставляет по своим местам. Хотя и временным. Например, кража сегодня почти повсеместно определяется как тайное хищение чужого имущества. Однако истории известны случаи, когда кража была дозволена и даже являлась обязанностью определённых лиц. Знали такое право и наши предки. Н.М. Карамзин писал: „Купцы, ремесленники охотно посещали Славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников“. При этом он делает сноску, из которой следует, что „грамота Хана или Царская была у нас законом и в торговле“. Иными словами, славяне очень почтительно относились к купцам и путешественникам, всегда предоставляя им кров и пропитание, что, видимо, было, хотя бы отчасти, прописано в „грамоте Хана“. Если же у человека не было достаточных средств, чтобы достойно принять гостей, то „бедному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть всё нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление“⁴⁵. Такой „институт“ (я специально ставлю это слово в кавычки, дабы подчеркнуть его некую инородность современному правопониманию) был известен и другим народам. Так, в известном историческом памятнике Законы XII таблиц в таблице VI есть удивительное для нас указание: „Пусть [собственник] не трогает и не отнимает (принадлежащих ему) бревен или жердей, использованных [другим человеком] на постройку здания или для посадки виноградника (Ульпиан, I, I рг. D. XLVII. 3).“ Таким образом, Закон XII таблиц не позволял ни отнимать, ни требовать как свою собственность украденные (самовольно взятые) бревна и жерди, употребленные на постройку или для посадки виноградника, но предоставлял при этом пострадавшему собственнику право предъявить иск в двойном размере (стоимости этих материалов) против того, кто обвинялся в использовании их. Это тоже вариант права на преступление (кражу). Логика простая: виноградник ждать не будет и надо его спасать. Все разбирательства – потом, по факту.

Как видим, история знает удивительные примеры превращения неправа в право, как, впрочем, и наоборот. Конечно, с течением времени всё меняется, люди переосмысливают и переоценивают свой собственный опыт и от чего-то отказываются. Каждое время диктует свои условия поведения. Написанное заставляет нас сделать простой, но неутешительный вывод: мы плохо представляем себе, что есть преступление. Впрочем, этот вывод не нов. Профессор Н.А. Колоколов – судья Верховного Суда РФ в отставке прямо так и пишет: „С сожалением приходится констатировать, что человечество за тысячелетия своего существования не разобралось в сущности такого явления, как преступление“⁴⁶. Что ж, не разобрались сегодня – разберёмся завтра. Для того и работаем.

⁴⁵ Карамзин Н.М. История государства российского. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трёх книгах с приложением. Кн. 1. – М.: Книга, 1988. – С. 36.

⁴⁶ Колоколов Н.А. Нравственные составляющие справедливости сквозь призму судебной практики // Нравственные основы уголовного права. – М.: РПА Минюста России, 2009. – С. 101-102.

Есть ещё один аспект, который никак нельзя обойти в данном случае. Речь идёт о **юридических фикциях**. Этот феномен известен юристам со времён древнеримского права, но у нас он долгие годы не привлекал к себе должного внимания. Сегодня ситуация изменилась, существует достаточно большой объём литературы на эту тему, защищено с десяток диссертаций по проблеме правовых фикций в разных отраслях права и т.д. Итак, фикция это правовой приём, заключающийся в предположении факта вопреки его действительности. То есть, факт есть, но мы считаем, что его юридически нет. Или наоборот. Типичный пример юридической фикции в уголовном праве (на самом деле их достаточно много), это институт необходимой обороны. Ст. 37 УК РФ начинается со слов: „Не является преступлением причинение вреда...“ Далее идёт формулировка условий, при которых это положение действует. Под это „не является преступлением“ подпадает масса деяний, описанных в Особенной части УК именно как преступления. Таким образом, законодатель говорит: „Хотя совершённое деяние и предусмотрено законом в качестве преступления, но поскольку оно совершено при таких-то и таких-то обстоятельствах, то я – законодатель – не считаю возможным называть его преступлением“.

И.А. Солодкова предлагает общественную опасность разделить на две категории. Первая это общественная вредность, то есть „вред или угроза причинения вреда, которые охватываются признаками уголовно – правовой нормы, образующий самостоятельный состав преступления“. Вторая злостность причинения вреда, которая «представляет собой умышленное посягательство лица на объект, отражающее уровень возможности совершения им нового преступления»⁴⁷. Всё вместе похоже на некий российский вариант *mens rea*. Конечно, формулировки не отработаны, но идея хорошая и плодотворная. Если её развить в нужном направлении, то какая то часть вопросов в связи с общественной опасностью и с фикциями в уголовном праве предстанет совершенно в ином свете. Это поможет развитию теории и это поможет правильно ориентировать практику. Принятие судебного решения в случае применения института необходимой обороны всегда имеет заметный налёт субъективизма. Можно привести достаточно много примеров, когда разные суды по совершенно похожим делам принимают разные решения, вплоть до прямо противоположных. Что-то позже исправляет Верховный Суд, но он при всём желании не может вмешаться во все без исключения дела. Почему так происходит? Очень часто причину такого подхода судов усматривают в наличии обвинительного уклона. Это верно, но объясняет проблему лишь частично. Почему у судей сформировался этот злополучный обвинительный уклон и можно ли его избежать? Избежать, конечно, можно, но это путь не самый быстрый. Верховному Суду надо бы ориентировать все нижестоящие суды на отыскание истины по делу. Но как это сделать, если УПК РФ об этом даже не упоминает? Это, кстати, есть проникновение в чисто правовую материю идеологии и философии постмодернизма, который отрицает наличие истины как таковой. Истины нет, есть всего лишь различные интерпретации реальности разными наблюдателями. Есть интерпретация следователя, прокурора, потерпевшего, обвиняемого, свидетелей и т.д. И над всем этим где-то высоко, высоко парит суд, который, если следовать букве закона, не имеет права на свою интерпретации. Он всего лишь даёт оценку услышанному и увиденному в ходе судебного заседания и в конечном итоге занимает ту или иную позицию. А точнее, ту или иную сторону. А нужен ли при таком подходе человек – судья? Может, проще обойтись машиной, которая точнее и быстрее подсчитает все „за“ и „против“.

⁴⁷ Солодков И.А. Указ. автореф. – С. 12.

Главное же надо переименовать институт необходимой обороны в институт *правомерной обороны*. Тогда центр тяжести в работе суда сместится, и он будет вынужден искать аргументы правомерности, а не необходимости. В конце концов, для кого оборона является необходимой? – Только для обороняющегося. Он без неё в данной конкретной ситуации обойтись не может. Для государства же и для суда в том числе, она необходимой не является. Правомерность же обороны, хотя бы исходя из презумпции невиновности, будет уже вынужден обосновывать суд. И это правильно. Только так мы сможем ликвидировать современную явно несправедливую ситуацию, при которой, по точному замечанию И. Звечаровского, лицу, подвергнувшемуся нападению, «необходимо защищаться сначала от посягающего, а затем – от органа, применяющего уголовный закон»⁴⁸. Такой подход будет более соответствовать конституционному праву гражданина, закреплённому в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ: „Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом“. Обратите внимание, Конституция гласит: «Каждый», а не только тот, кто подвергся нападению. Замена необходимой обороны на правомерную оборону – это не терминологическая процедура. В этом случае мы добьемся единообразия при формулировке других институтов Гл. 8 УК РФ „Обстоятельства, исключаящие преступность деяния“. Например, в ст. 38 „Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление“ нет указания на необходимость причинения такого вреда. А, ведь, до закрепления этого института в законе, существовали определённые предписания и доктринальные толкования о необходимости руководствоваться при этом правилами о необходимой обороне. Да и в тексте ныне действующей нормы есть косвенные указания на это, когда говорится о недопущении «превышения необходимых для этого мер» (ч. 1 ст. 38). Возможно, по тем же основаниям следует поменять название и института крайней необходимости на правомерную необходимость. Но эта реформа должна затронуть и гражданское право.

Подобного рода изменения при их грамотном использовании будут способствовать достижению истины при исследовании каждого конкретного случая. Да и само отражение в законе абстрактной ситуации будет более адекватным, а значит, и более истинным. Важно помнить, что истина не может быть ни целью, ни даже признаком правовой нормы. Истина должна сливаться с сущностью правовой нормы. Иными словами, она должна выступать в качестве объективного свойства правовой нормы. При такой постановке проблемы нормы, сконструированные без учёта этого обстоятельства, будут сразу заметными, и их изначально можно будет записать в ряд искусственных, а, следовательно, нежизнеспособных конструкций.

Истина и наказание

Наш сегодняшний Уголовный кодекс определяет наказание как меру государственного принуждения, применяемую к лицу, „признанному виновным в совершении преступления“. При этом наказание всегда имеет карательную составляющую (оно же наказание!), выражающуюся „в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица“ (ч. 1 ст. 43). „Этого“, то есть того, кто совершил преступление, но никак не какого-то третьего. Что называется, простенько и со вкусом. Вряд ли здесь следует к чему-нибудь придирааться – всё ясно и понятно. Непонятное начинается чуть позже.

⁴⁸ Звечаровский И. Кому необходима необходимая оборона? // Уголовное право. 2013. - №1. – С. 30.

Надо полагать, что это определение относится не только к наказанию вообще как к институту уголовного права, но и к каждому из перечисленных в ст. 44 видов наказания. Так ли это? Для того чтобы понять, является ли та или иная норма права истинной, следует, по мнению В.М. Баранова, ответить на несколько вопросов: „1) является ли юридическая норма отражением действительности и если является, то какую именно действительность она отражает; 2) может ли правовая норма рассматриваться в качестве познавательной формы, какого рода знания она содержит в себе; 3) возможно ли и при каких условиях достижение соответствия правовой нормы действительности“⁴⁹. Если через эти достаточно простые правила «пропустить» сегодня любую норму уголовного права, то мы очень быстро разочаруемся в качестве работы наших законодателей. Причём, это „разочарование“ очень легко оформляется в данном случае документально.

Нечто подобное в одной из своих последних работ проделал В.Д. Филимонов. Он проанализировал степень дифференциации наказаний в виде штрафа, обязательных, исправительных и принудительных работ, а также ограничения свободы. В результате пришёл к выводу о неспособности «некоторых из названных выше наказаний во многих случаях эффективно выполнять свою предупредительную и восстановительную функцию»⁵⁰. Вместо реального механизма воздействия на осуждённых мы даём в руки правоприменителя набор слов на бумаге. Пора это понять нашим законописцам.

Истина при квалификации преступлений

Одной из проблем, каждодневно решаемых правоприменителями в процессе работы, является проблема квалификации. „...основным вопросом логики является *вопрос об истине*“⁵¹. Это имеет прямое отношение к проблеме квалификации преступлений, ибо квалификация всегда есть цепь логических рассуждений, завершающаяся выводом о соответствии того или иного деяния, совершённого субъектом (субъектами), определённого составу преступления, предусмотренному конкретной статьёй Особенной части УК. Отсюда понятно, почему именно Следственный комитет России озаботился проблемой возвращения в УПК нормы об объективной истине. Без установления истины невозможно произвести обоснованную квалификацию преступления. Именно в процессе квалификации преступлений, то есть соотношении всех элементов фактически совершенного деяния с его правовой моделью, закреплённой в Уголовном кодексе, может пригодиться герменевтика. Герменевтика позволяет уяснить смысл текста, используемого правоприменителем и уже потом наложить этот смысл на конкретную ситуацию. Варианты могут быть иногда самыми неожиданными: от полного совпадения решений до их абсолютной противоположности. Есть давно известный факт: Если нескольким квалифицированным судьям дать материалы одного и того же дела, по которому уже есть судебное решение, то вынесенные ими решения совпадут с уже имеющимся в лучшем случае в соотношении один к пяти. Какое же из них следует считать истинным?

⁴⁹ Баранов В.М. Указ. раб. – С. 123.

⁵⁰ Филимонов В. Проблемы дифференциации видов наказаний, не связанных с лишением свободы, и ответственности за уклонение от их отбывания // Уголовное право. – 2013. - №2. – С. 42.

⁵¹ Диалектическая логика. – С. 22.

Именно для максимально возможного устранения таких разночтений может быть использована герменевтика с её приёмами и методами. В частности, очень продуктивным может быть использование герменевтического круга. Это понятие впервые было использовано Ф. Шлейермахером и позже развито Х.Г. Гадамером. По Гадамеру, герменевтический круг – это постоянное набрасывание (прибавление) новых смыслов. „Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте проясняется какой-то смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется в свою очередь лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нём тот или иной определённый смысл. Понимание того, что содержится в тексте, и заключается в разработке такого предварительного наброска, который, разумеется, подвергается постоянному пересмотру при дальнейшем углублении в смысл текста“.⁵² Если чуть-чуть разложить этот тезис (раскадрировать его), то мы получим приблизительно следующее: (1) тот, кто хочет понять текст (правовой нормы в нашем случае), постоянно осуществляет „набрасывание“ смысла (иногда достаточно вольное); (2) предварительный набросок с неизбежностью приводит к пересмотру своего взгляда и происходит набрасывание нового смысла; (3) возможна одновременная разработка соперничающих набросков (отработка различных версий, например), прежде, чем установится однозначное единство смысла; (4) окончательное истолкование (заключение) наступает тогда, когда в арсенале есть достаточно предварительных понятий, которые заменяются понятиями более уместными.

Известный русский философ В.С. Соловьёв, не используя термина герменевтический круг, сделал одно важное утверждение: „...не истина зависит от фактического мышления, а, напротив, достоинство и философский интерес этого мышления зависят от истины, и всё значение мыслящего субъекта зависит от того, определяет он себя или нет как форму безусловного содержания, или как разум истины“.⁵³ Герменевтический анализ текста закона позволяет иногда понять скрытые цели законодателя, которые он материализовал в этом законе. Всё тайное становится явным⁵⁴.

Уголовному праву известен институт посредственного причинения, когда к уголовной ответственности привлекается лицо, само не совершавшее действий, повлекших преступный результат. В таком случае лицо использует в качестве орудия преступления другое лицо. А это другое лицо не является субъектом преступления в силу малолетства или душевного заболевания. Соучастия в этом случае быть не может в силу уже названных причин. Фактический (но не юридический!) подстрекатель привлекается к уголовной ответственности как исполнитель престу-

⁵² Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – С. 318.

⁵³ Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. – Т. 1. - М.: Мысль, 1990. – С. 828.

⁵⁴ Для иллюстрации того, как это может происходить, сошлюсь на комментарии С.С. Хоружего к интереснейшему, но крайне тяжелому (во всяком случае для меня) для прочтения роману Джеймса Джойса «Улисс». В романе описывается всего один день жизни героя, но как описывается! Там есть несколько авторских планов: *сюжетный, реальный, Гомеров, тематический и несколько дополнительных* (Джойс Дж. Улисс. – СПб.: Кристалл, 2001. – С. 921 – 1150). При изучении этих планов (набрасывании смыслов) происходит совершенно новое, иное восприятие текста. Более того, если через какое-то время вернуться вновь к уже прочитанному тексту, то набрасывание смыслов будет продолжаться, но будет продолжаться уже в совершенно новом ключе. Истина бесконечна!

пления, а фактический исполнитель вредоносного акта рассматривается как живое орудие в руках другого. При таком подходе иногда могут складываться поистине парадоксальные ситуации. Так, женщина, назовём её N, решила отомстить своей бывшей подруге и подговорила душевнобольного Z её изнасиловать. На основании судебно-медицинской экспертизы суд принял решение о невменяемости Z. N была привлечена к уголовной ответственности как исполнитель в силу того, что закон не знает понятия посредственного причинения и посредственного виновничества, но говорит о совершении преступления «посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности» (ч. 2 ст. 33 УК РФ)⁵⁵. Но женщина не может быть исполнителем такого преступления как изнасилование! Это преступление может быть совершено только мужчиной. Такова физиология человека и не более того. С точки зрения стороннего наблюдателя, было совершено два разных деяния. Z совершил изнасилование, а N совершила подстрекательство к изнасилованию. С точки зрения суда, было совершено одно преступление – изнасилование, и совершила его N. Если мы продолжим анализ этой ситуации, то увидим, что и другие элементы состава преступления начинают „хромать“. Прежде всего причинная связь между действием и наступившим последствием. В числе наступивших последствий может быть и беременность потерпевшей, а это уже тяжкие последствия и иная квалификация (п.б ч. 3 ст. 131 УК). А никакие действия N сами по себе никак не могли быть непосредственной причиной этой беременности. Значит, теория причинной связи не является универсальной. Необходимо учитывать и другие виды детерминирующих связей в системе элементов состава преступления. К числу таких связей относятся кондициональная связь, „вызванная внешними и внутренними факторами, способствующими приведению специфической причины в активное состояние и превращающими возможность явления в реальную действительность“⁵⁶, и инспирирующая связь, которая „порождается поводом возникновения явления, т.е. тем или иным внешним или внутренним фактором, который определяет момент, время возникновения следствия под влиянием определенной совокупности условий“⁵⁷. Кроме того, необходимо учитывать и нефизическую причинную связь⁵⁸. Речь прежде всего идет о психической и духовно-нравственной причинности в уголовном праве.

Следует так же указать на полное противоречие между УК и УПК по некоторым вопросам, что препятствует не только установлению истины по делу, но и вообще уяснению того, что же произошло на самом деле. Например, ч. 3 ст. 60 УК РФ требует от суда изучать личность виновного для назначения справедливого и соразмерного наказания. А ч. 8 ст. 335 УПК по сути дела налагает строгий запрет на изучение личности виновного дабы не вызвать предубеждения присяжных в отношении подсудимого. Иными словами, сочинители УПК сначала отвергли необходимость установления истины по делу, но этого им показалось мало и они

⁵⁵ Эта проблема не исчерпывается описанным примером. Более того, она приобретает все более и более практическое значение. См.: Луньков Д.А. Посредственное причинение вреда: уголовно – правовые и криминологические аспекты: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013.

⁵⁶ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 145.

⁵⁷ Там же. – С. 146.

⁵⁸ Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. – М.: Юркнига, 2003.

поставили законодательные препоны на пути фактического установления истины. При этом без устали говорится о необходимости усиления борьбы с преступностью. Где же логика? Мы хотим установить истину или не хотим расстраивать присяжных? Да и зачем нам вообще нужны такие слабонервные присяжные? Г. Есаков, кстати, в указанной работе, ссылаясь на судебную практику, приводит массу примеров, в том числе и демонстрирующих откровенную нелепость принятых решений на эту тему. И эти глупости не только не вымарываются (на самом деле их надо выжигать из закона калёным железом), они только множатся.⁵⁹

Мир на наших глазах дуреет и глупеет. Вот свежие данные из прогнившей насквозь Европы⁶⁰: В Люксембургском саду в Париже задержали мужчину за то, что он был одет в «неправильный» свитер. Причиной задержания является кофта, на которой изображена гетеросексуальная семья, держащаяся за руки (мать, отец и двое детей). Согласно новому законодательству это является неуважением к гомосексуальным парам. Футболка признана аморальной, потому что открыто пропагандирует приверженность гетеросексуальным отношениям. Полиция решила, что данный символ оскорбляет чувства сексуальных меньшинств и задержала мужчину. За неправильную кофту ему грозит штраф в несколько тысяч евро. Судья, которому поручили вести это дело, заявил: „Это гротеск, если бы у меня была футболка с диктатором, у меня было бы меньше проблем“. И всё в рамках закона. Закон, который создавался тысячелетиями, гробится какими-то вырожденками. Они озабочены защитой прав тех, кого они называют сексуальными меньшинствами, но им совершенно безразличны права натуралов, каковые составляют подавляющее большинство человечества. А им-то ведь мерзко и гадко смотреть на окружающую их вакханалию.

Противоположностью истины является заблуждение, ошибка⁶¹. Д. Дидро так и писал: «В чисто рациональной философии истина нередко (*не всегда, а лишь нередко Ю.Г.*) есть нечто прямо противоположное заблуждению»⁶². Правда дру-

⁵⁹ Нельзя не отметить, что ни один десяток лет учёные юристы занимались изучением личности виновного, обвиняемого, подсудимого. Нигде в этих работах вы не найдёте даже намёка на те нелепости, которые сегодня есть в нашем законе (См.: например, Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Понятие предмет и методика изучения. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978). Откуда же они там появились?

⁶⁰ В какой-то мере (может быть, совсем немного) это было уже как бы предсказано Освальдом Шпенглером См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993; 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. Кстати, автор пишет и обосновывает грядущий небывалый взлёт России. Завершается предыстория и начинается ранняя история. Истинность этих взглядов в полной мере смогут оценить только наши потомки.

⁶¹ Долгие годы над этой проблемой работал Ф.А. Селиванов. См., например: Селиванов Ф.А. Истина и заблуждение. – М.: Политиздат, 1972; Его же. Ошибки. Заблуждения. Поведение. – Томск: Изд-во ТГУ, 1997. Впрочем, о заблуждениях рассуждал ещё в XVII веке Никола Мальбранш (Мальбранш Н. Разыскание истины. – СПб.: Наука, 1999).

⁶² Дидро Д. Сочинения: в 2-т. – М.: Мысль, 1986. – Т. 1. – С. 360. Ф. Ницше считал по-другому. Он саму истину рассматривал как «род заблуждения», причём, такой род заблуждения, «без которого некоторый определённый род живых существ не мог бы жить» (Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884 – 1888). – М.: Транспорт, 1995. – С. 202). Надо полагать, речь идёт о человеке, ибо никакому другому роду живых существ на Земле заблуждения, как цепь логических умозаключений с неверными посылками и ошибочным выводом, недоступны. Изучая учение Платона об истине, Мартин Хайдеггер обратил внимание на это высказывание Ницше и пришёл к выводу, что, если согласиться с Ницше, то

гой философ – Шеллинг, считал, что заблуждение «отнодь не полное отсутствие истины, но лишь сама же истина, только извращённая»⁶³. Если этот тезис развернуть, то получится, что заблуждения как такового нет, есть только разная степень проявления истины. Не думаю, что это верно. Большая часть людей рассуждает по-другому. Ошибка в уголовном праве существует и изучается специалистами⁶⁴. В аспекте изучения нашей проблемы следует подчеркнуть, что использование категории ошибки способствует установлению истины по делу. И это даже можно закрепить в законе⁶⁵. Существуют действия, которые направлены на сокрытие истины. Это обман во всех его видах⁶⁶. И сам по себе обман может являться преступлением. Так происходит при мошенничестве, когда преступник завладевает чужим имуществом „путём обмана“. Это бывает не просто выявить, но ещё труднее бывает доказать.

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ УК РФ был дополнен шестью новыми составами мошенничества. В дополнение к теперь уже основному составу ст. 159 «Мошенничество» появились следующие статьи: 159¹ „Мошенничество в сфере кредитования“, 159² „Мошенничество при получении выплат“, 159³ „Мошенничество с использованием платёжных карт“, 159⁴ „Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности“, 159⁵ „Мошенничество в сфере страхования“, 159⁶ „Мошенничество в сфере компьютерной информации“. Как видим, речь идёт о конкретизации объекта и предмета мошенничества путём простого поименования сфер деятельности. Однако не очень понятно, почему выделены именно эти сферы активности мошенников. Почему, например, нет сферы ЖКХ, здравоохранения, образования? Ведь именно они вызывают наибольшее беспокойство у наших граждан и в определённом смысле раздражают власть - деньги вкладываются, а отдачи нет! Специалисты утверждают, что таким образом можно расписать от трёхсот до шестисот отраслей. Вот кодекс-то „посолиднее“. В общем-то, в таком законодательном подходе нет ничего оригинального. Он был известен ещё на заре правовой цивилизации. Если заглянуть в Краткую редакцию Русской Правды (1054 г.), то уже там увидим: „А оже украдут чюжь пес, любо ястреб, любо сокол...“ (ст. 37), „Оже сено крадут...“ (ст. 39) и т.д. В Пространной редакции (1113 г.) этот перечень расширяется. И так поступали все законодатели того периода („Саксонское Зерцало“, „Каролина“ и др.) и даже более раннего (Кодекс царя Хаммурапи). Уровень законодательной техники был именно такой.

Но с тех пор минули столетия – постоянно развивающаяся теория разделила уголовный закон на Общую часть и Особенную, научила законодателя конструировать нормы с основным составом и специальным. Специальные, с точки зрения законодательной техники, стали вводить, когда хотели подчеркнуть

мы должны сделать вывод, что существо истины «заключается в таком способе мышления, который всегда, притом с необходимостью, искажает действительное» (Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 358). Вряд ли следует безоговорочно соглашаться с этими спорщиками. На самом деле всё значительно сложнее. Или проще. Как посмотреть.

⁶³ Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 221.

⁶⁴ См.: Якушин В.А. Ошибка и её уголовно-правовое значение. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988; Его же. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти: ТолПИ, 1998. – С. 242 – 290.

⁶⁵ Якушин В.А. Субъективное вменение... - С. 290.

⁶⁶ См.: Сабитов Р.А. Обманы и подлоги в уголовном праве. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2011.

значимость охраняемого объекта либо повысить карательную составляющую за совершение подобного деяния, либо, наоборот, понизить. Что касается значимости выбранных для охраны в рассматриваемой ситуации объектов, то она весьма сомнительна, и защита таких объектов таким способом практически не отвечает ни нуждам общества, ни интересам государства. Ответственность же в некоторых случаях оказалась пониженной по сравнению с общим составом, что вообще никак не вписывается в логику рассуждений проектантов, стремившихся, насколько можно понять, ужесточить уголовную ответственность за подобные преступления. Нельзя не сказать и о законодательной технике. Диспозиции большинства новых статей почти слово в слово повторяют текст ст. 159 УК. Иначе говоря, они ничего нового не добавляют ни в теорию, ни в практику уголовного закона. Зачем же они нужны? Мы долгие годы обходились одним составом. Недостатки в практике его применения – это недостатки правоприменителей, устранить которые законодатель не в силах, но в какой-то степени это способен сделать высший судебный орган, дав в дополнение к уже принятым документам развернутый комментарий о практике применения нормы об ответственности за мошенничество, которая – практика – должна объективно меняться в силу того, что появились и продолжают появляться новые виды мошенничества (например, мошенничество с использованием мобильных телефонов через массовую рассылку SMS). В связи с этими новеллами закономерно возникает вопрос: почему законодатель остановился только на мошенничестве? Кражи совершаются намного чаще, и они больше беспокоят наших граждан. Да и стоит ли замыкаться на преступлениях против собственности! А изнасилование? – На столе, под столом, на лыжне, на роале... Конца края этому не видно.

Дополнение законодательства шестью специальными нормами об ответственности за мошенничество – тревожный сигнал, ведь законодатель сделал тем самым выбор из нескольких предлагаемых вариантов, одним из которых было дополнение закона указанием на те же обстоятельства, только действительно предусматривающими более строгое наказание, их можно было рассмотреть в качестве квалифицирующих. Как это сделано, скажем, в квалифицированном составе убийства. Помогут ли нововведения борьбе с мошенничеством? Напротив, только затруднят! Ведь если сторона обвинения квалифицирует деяние лица по специальной и являющейся теперь привилегированной норме об ответственности за мошенничество, например, по ч. 1 ст. 159⁴ „Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности“ и - что не мудрено с учетом довольно сложного для толкования описания признаков объективной стороны нового состава! - ошибочно вменит специальный состав при наличии всех признаков общего, то изменить обвинение суд, в силу ст. 252 УПК РФ, не сможет и будет вынужден мошенника оправдать⁶⁷. Выходит, мы не только не приблизились к истине, но ушли от неё и ушли достаточно далеко. Это подтверждает и то обстоятельство, что при квалификации мошенничества по этим новым, во всех отношениях оригинальным нормам, могут возникать различные виды конкуренции норм. В частности, „конкуренция специальных норм о мошенничестве, каждая из которых

⁶⁷ Более подробно см.: Голик Ю., Коробеев А. Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // Уголовное право. – 2013. - №2. – С. 16 – 17, а также: Тюнин В. «Реструктуризация» уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Там же. – С. 35 – 41; Александров А., Александрова И. Частно – публичное уголовное преследование по делам о мошенничестве // Там же. – С. 77 – 83.

охватывает все признаки совершенного мошенничества⁶⁸. Для разрешения этой ситуации А. Шеслер предлагает квалифицировать деяние „по той норме, которая содержит наиболее мягкую санкцию“⁶⁹. Сразу возникает, как минимум, два вопроса. Первый, что же это за конкуренция, когда две (а, может, и три или больше) нормы „охватывают все признаки совершенного мошенничества“? Что с чем конкурирует? Вторым, это что, новый вид квалификации? Квалификация по санкции? Но это противоречит всем правилам общей теории квалификации, квалификации при конкуренции норм уголовного права и элементарному здравому смыслу.⁷⁰ Ведь квалификация всегда проводилась по признакам состава, а не по производным от них признакам, пусть даже и изложенным в правовой норме. Так мы не только не приблизимся к постижению истины, но и зайдём в тупик, из которого потом будем долго выбираться.

Квалификация нужна для применения закона. Только применение закона делает закон живым. Грамотная квалификация обеспечивается наличием и использованием, как минимум, нескольких факторов. Первый – грамотный юридический корпус правоприменителей от следователей до судей. Второй – грамотный закон (не только уголовный, но все необходимые в каждом конкретном случае нормативные акты). Третий – добротная, научно обоснованная теория. Только при объединении всех этих начал мы сделаем закон живым, отвечающим требованиям времени и общества, интересам народа. Сделаем его истинным. В своём фундаментальном труде о Н.Г. Чернышевском (1909 г.) Г.В. Плеханов, ссылаясь на Чернышевского, отмечал, что „истина сообразна с потребностями массы“⁷¹. При этом, разумеется, речь идёт об истине, касающейся взаимных отношений людей в обществе. Уголовный закон как никакой другой ближе всего стоит к интересам и потребностям массы.

Заключение

Я не знаю, поможет ли это моё эссе хотя бы одному исследователю приблизиться к отысканию истины. Хотелось бы в это верить. Разумеется, я далёк от того, чтобы, подобно Канту (ему было только 22 года, когда он написал эти строки), воскликнуть: „Истина, над которой напрасно трудились величайшие мастера человеческого познания, впервые открылась моему уму“⁷². Далее он всё-таки счёл нужным добавить: „Я не решаюсь защищать эту мысль, но я не хотел бы от неё отказаться“⁷³. Молодец!

Зачем нам погружаться в философскую материю и изучать истину? Ответ достаточно прост. Во-первых, это позволит максимально приблизить закон к той общественно – политической реальности, которая нас окружает. Меняется реальность – должен меняться и закон. Во-вторых, это позволит конструировать сам закон как некий образец, как «целое». Значит, скажется на уровне кодифици-

⁶⁸ Шеслер А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. – 2013. - №2. – С. 71.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юр. лит., 1972; Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. – М.: Щит-М, 1999.

⁷¹ Плеханов Г.В. Указ соч. – Т. IV, 1958. – С. 321.

⁷² Кант И. Метафизические начала естествознания. – М.: Мысль, 1999. – С.8.

⁷³ Там же.

рования уголовного закона. В-третьих, хороший закон – большое подспорье для практики. Отсюда и практика должна в большей степени начать соответствовать тем реалиям, которые нас окружают. В определённой степени она должна отвечать и тем социальным ожиданиям, которые существуют в обществе. В-четвёртых, всё это вместе должно сказаться на повышении качества борьбы с преступностью. Если мы не можем искоренить преступность, то это не означает, что мы не можем помочь сами себе и не снизить уровень преступности до безболевого (для общества) порога.

В работе нет определения истины. Я сделал это специально. Дав общие основополагающие установки по пониманию истины, я предоставил каждому возможность ответить на извечный вопрос: „Что есть истина?“ Истина – это процесс. Процесс, который имеет начало для человека, но являющийся бесконечным для человечества⁷⁴. А дорогу осилит идущий.

Литература

- Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989
- Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. - № 4(5)
- Бэкон. Ф. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1972
- Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. – М.: Астрель, 2012
- Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Понятие предмет и методика изучения. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978
- Вольский А.Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория // Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб.: Европейский Дом, 2004
- Всемирная энциклопедия: Философия XX век. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988
- Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990
- Наука логики. – М.: Мысль, 1999
 - Феноменология духа. – М.: Наука, 2000
 - Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. – М., СПб.: Университетская книга, 2002
- Голик Ю., Коробеев А. Прошлогодние трансформации уголовного закона: реплика // Уголовное право. – 2013. - №2
- Дидро Д. Сочинения: в 2-т. – М.: Мысль, 1986

⁷⁴ Вольский А.Л. анализируя творчество Ф. Шлейермахера, пришёл к очень образному выводу, что «герменевтика, будучи учением об искусстве, является учением о бесконечном» (Вольский А.Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория // Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – С. 25). Это в полной мере относится и к поискам истины. Сама истина безмерна и бесконечна. Вл. Соловьёв, например, считал: «Между философами, *подходившими* к истине, нет большего, чем Гегель, но и наименьший между философами, *исходящими* из самой истины, больше его» (Соловьёв В.С. Указ раб. – С. 829).

- Есаков Г. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. – 2013. - №2
- Ефимова Е.С. Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. – М.: ОГИ, 2004 и др.
- Звечаровский И. Кому необходима необходимая оборона? // Уголовное право. 2013. - №1
- Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. – М.: Щит-М, 1999
- Яковлев Н.А. Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации её негативного влияния: Дисс. ... канд. юр. наук. – Елец, 2006
- Якушин В.А. Ошибка и её уголовно-правовое значение. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988; Его же. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти: ТолПИ, 1998
- Кант И. Критика чистого разума. – Мн.: Литература, 1998
- Метафизические начала естествознания. – М.: Мысль, 1999
- Карамзин Н.М. История государства российского. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трёх книгах с приложением. Кн. 1. – М.: Книга, 1988
- Караханов А.Н. К вопросу о духе уголовного закона // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. – М.: РАП, 2011
- Кассирер Э. Философия символических форм В 3-х тт. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002
- Колоколов Н.А. Нравственные составляющие справедливости сквозь призму судебной практики // Нравственные основы уголовного права. – М.: РПА Минюста России, 2009
- Козьявн А.А. Критерий истины, познаваемой в уголовном процессе, в свете возможности её нормативной
- Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания. – М.: Политиздат, 1988 формализации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. - №4
- Диалектика социального познания. – М.: Политиздат, 1988
- Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. – СПб.: Алетейя, 2011
- Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005
- Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юр. лит., 1972
- Луньков Д.А. Посредственное причинение вреда: уголовно – правовые и криминологические аспекты: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013
- Мальбранш Н. Разыскание истины. – СПб.: Наука, 1999
- Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999
- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884 – 1888). – М.: Транспорт, 1995
- Новая философская энциклопедия. – Т. 2. – М.: Мысль, 2010
- Основы марксистской философии. – М.: Госполитиздат, 1962
- Павлов Т. Избран. философ. произведения. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1962
- Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах. – Т. III. - М.:

- Изд-во социально – экономической литературы, 1957
- Пычева О.В. Герменевтика уголовного закона. – Ульяновск: УлГУ, 2005
- Радбрух Г. Философия права. – М.: Международные отношения, 2004
- Розанов В.В. О понимании. – СПб.: Наука, 1994
- Сабитов Р.А. Обманы и подлоги в уголовном праве. – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2011
- Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973
- Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976
- Селиванов Ф.А. Истина и заблуждение. – М.: Политиздат, 1972
- Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990
- Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. – М.: ИНФРА – М, 1999
- Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. – М.: Грифон М, 2005
- Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. – М.: Юркнига, 2003
- Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004
- Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983
- Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трёх томах. – М.: Мысль, 1974
- Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993
- Чучаев А.И. Уголовное уложение Советской России (концептуальные основы и общая характеристика) // Взаимосвязь уголовного материального и процессуального права: исторический и сравнительно-правовой аспекты. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012
- Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1989
- Шеслер А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. – 2013. - №2
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993; 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998
- Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2005

